

МАШИНА ЗЛА — 2

Газета «Суть времени» №12, 23.01.2013, [ссылка](#)

Итак, задавшись целью исследовать истоки фашистской жестокости, Лилиана Кавани в итоге приходит к выводу, что проблема коренится вовсе не в особенностях немецкой культуры, немецкого духа. А в том, что природа любого человека, вне зависимости от его национальной принадлежности, двойственна. В нем содержится и доброе, и злое начало, но злое — мощнее.

Подобно спящему вулкану, зло может до поры до времени бездействовать. Детонатором чаще всего становятся внешние катастрофические обстоятельства — например, война. Эти катастрофические обстоятельства высвобождают то, что в обычное время сковано в человеке рамками культуры (традиции, религии, морали и т.п.). Под натиском катастрофических обстоятельств рамки начинают трещать и рушиться, и силы зла выходят наружу.

Сопротивляться «зверю, вышедшему из бездны» человек не способен, утверждает Кавани. А раз так, то он либо добровольно встает на путь зла, либо зло подминает и трансформирует его. Третьего не дано.

Непричастными злу оказываются лишь те, кого судьба вообще уберегла от столкновения с подобной ситуацией: *«Иногда мы проживаем целую жизнь и показываем себя только с хорошей стороны, но это лишь потому, что не пришлось оказаться в особых обстоятельствах...»*.

Таким образом, **непричастность человека злу никогда не является результатом его свободного выбора**. Непричастность злу — везение, счастливый лотерейный билет, не более того.

Чем интересна для нас концепция Кавани? Новизной? Нет. Проблема крайне сложного соотношения тонкой культурной пленки (образовавшей, по историческим меркам, относительно недавно) и всей многотысячелетней толщи дочеловеческого, звериного в человеке — поднята задолго до нее. Фридрих Ницше описал соотношение культурного и дочеловеческого начал формулой: *«Культура — лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом»*. Зигмунд Фрейд посвятил изучению «раскаленного хаоса», назвав его термином *«бессознательное»*, значительную часть своей жизни.

Значит, дело не в том, что Кавани вступает на нехоженую тропу. А в чем?

Интересны последовательность и настойчивость, с которой она транслирует средствами кино свою концепцию, притом, что концепция — ложная, и сама она это понимает (ниже я приведу аргументы в пользу данного утверждения). Действует Кавани наступательно. Если в фильме «Ночной портье» (1974 г.) она опирается на единичный пример (ведь не всякая заключенная концлагеря воспламенялась страстью к своему мучителю, как героиня ее фильма), то в более поздней работе «Шкура» (1981 г.) расширяет «доказательную базу». Вместилищем зла под воздействием обстоятельств — немецкой оккупации — здесь становится уже не отдельный человек, но население целого города.

Сюжет фильма основан на автобиографическом романе Курцио Малапарте, осуществлявшем в 1943 году связь с вошедшими в Неаполь представителями Пятой американской армии. Этот роман, опубликованный в 1949 году, вызвал в Италии большой скандал — итальянцы отказывались узнавать себя в персонажах, изображенных автором. Еще бы! Малапарте писал: *«Вы даже не представляете себе, на что способен человек, ... чтобы спасти свою шкуру... Сегодня терзаемые и терзающие, убиваемые и убивающие люди совершают вещи удивительные и омерзительные, но уже не во имя спасения своей души, а для спасения собственной шкуры...»*

Неаполь, каким застают его американцы после немецкой оккупации, в фильме Кавани вполне сравним с Содомом и Гоморрой. Голод и нищета довели жителей до полной утраты человеческого облика. Все женщины торгуют телом. Последнюю оставшуюся в Неаполе девственницу собственный отец ежедневно выставляет на унизительный «аттракцион» — всего за один доллар любой желающий может убедиться, что она таки девственница. Не более милосердны к своим отпрыскам матери, за пачку сигарет продающие малолетних сыновей марроканским солдатам.

«Некоторые слои населения плохо жили еще до войны, и во время немецкой оккупации с ними произошли жуткие вещи, они накапливали страшный опыт, и мне хотелось это показать», — так объясняет Кавани свой интерес к данному сюжету.

Начав с благого намерения помочь человечеству разобраться с истинной природой фашистского зла, Кавани поворачивается на 180 градусов и идет в атаку на гуманизм, ненавистный фашистам. Ведь идея неспособности человека противостоять натиску «раскаленного хаоса» (или, по Фрейду, влечений, кишащих в глубинах бессознательного) враждебна гуманизму, настаивающему на том, что человек способен отстаивать идею добра — то есть бороться со злом. *«И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами... И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?..»*

Характерно, что на путь войны с гуманизмом вступила не одна Кавани. Шарлотта Рэмплинг — «культовая актриса» Кавани, исполнившая в «Ночном портье» главную роль, — годы спустя сыграла в фильме японского режиссера Нагисы Осимы «Макс, моя любовь» супругу английского консула в Париже, снедаемую на сей раз страстью уже не к мучителю-эсэсовцу, а к шимпанзе по кличке Макс.

Дело не ограничилось Кавани и ее ближайшими соратниками — целый круг представителей творческой элиты Запада включился в информационно-психологическую войну против гуманизма. Впоследствии австрийский психотерапевт Виктор Франкл назовет этот обширный процесс *«дегуманизирующими тенденциями, повсеместно берущими верх»*.

Но ведь информационно-психологическая война никогда не ведется только против той или иной идеи. Она ведется также против носителей идеи. А кто был основным носителем идеи гуманизма — идеи о непобедимости человеческого в человеке? Правильно, жители СССР! Навешивая на СССР ярлык «жуткий тоталитарный монстр», наши враги прекрасно осознавали, что в XX веке именно коммунизм, базирующийся на накаленной вере в возможность человеческого восхождения, вообрал в себя гуманистической пафос предшествующих столетий.

Но вернемся к Кавани и ее концепции. Кавани, проникшись идеями Фрейда о всевластии бессознательного, как бы не замечает оппонента Фрейда — упомянутого выше Виктора Франкла. Между тем, к 1962 году, когда Кавани монтировала фильм-хронику «История Третьего рейха», и уж тем более к 1974 году, когда она снимала фильм «Ночной портье», имя Франкла было широко известно на Западе. Его книги уже вышли большими тиражами. И Кавани, относящая себя к интеллектуалам и особо интересующаяся психологией, просто не могла ничего не знать о его взгляде на человека.

В чем состояло основное возражение Франкла Фрейду?

Франкл считал Фрейда представителем *глубинной психологии*, а самого себя — *вершинной психологии*.

Фрейд утверждал, что *«когда человек задает вопрос о смысле и ценности жизни, он нездоров, поскольку ни того, ни другого объективно не существует; ручаться можно лишь за то, что у человека есть запас неудовлетворенного либидо»*.

По мнению Франкла, если рассматривать человека только через призму либидо (неутоленных

влечений), мы увидим всего два уровня: биологический (физиологические рефлексы) и психологический (психологические реакции). Но человек — больше, чем биология и психика. «Человек — это дух», — говорит Франкл. Телесное и психическое свойственны как человеку, так и животным. Духовное — только человеку.

Фундаментальная особенность человека как существа духовного — стремление к смыслу и способность к самотрансценденции. То есть к выходу за пределы самого себя, к постоянной направленности вовне, на кого-то или на что-то — на служение делу или богу, на любимого человека.

Франкл сравнивает человека с самолетом. Самолет может передвигаться по земле, не переставая быть самолетом. Но лишь взлетая, он доказывает, что он самолет. *«Точно так же человек начинает вести себя как человек, лишь когда он в состоянии преодолеть уровень психофизически-организмической данности...»*

Самотрансценденции — ключевое положение Франкла — выход из той ловушки, которая заложена в концепции Лилианы Кавани. В противоположность Кавани, настаивающей, что человек фактически не властен противиться злему, Франкл, лично прошедший четыре концлагеря, свидетельствует: человек способен бросить вызов любым, самым страшным обстоятельствам. Это свойство человека он называет «упрямством духа».

Фрейд был уверен, что если заставить голодать одновременно несколько разных людей, то *«по мере нарастания настоящей пищевой потребности все индивидуальные различия будут стираться и их место займут однообразные проявления одного неутоленного влечения»*.

Франкл опровергает Фрейда. В концлагерях, в самых невыносимых условиях *«все время были те, которым удавалось подавить в себе возбужденность и превозмочь свою апатию. Это были люди, которые шли сквозь бараки и маршировали в строю, и у них находилось для товарища доброе слово и последний кусок хлеба»*. Люди, сумевшие сохранить свою человечность, были немногочисленны, *«но они подавали другим пример, и этот пример вызывал ценную реакцию»*.

В противоположность Кавани, настаивающей на принципиальной невозможности человека совершить выбор в пользу непричастности злу, Франкл говорит: человек постоянно делает выбор и принимает решение, кто он.

Советский человек был ориентирован на духовное. То есть — задолго до появления книг Франкла — строил свою жизнь «по Франклу», а не «по Фрейду». Советский человек, выкованный в горниле Гражданской войны, проливавший кровь на фронтах Великой Отечественной, — был соединен с красным смыслом сотнями нитей. Он был равнодушен к материальным ценностям. Рвался к знанию. Ставил общественные интересы выше частных. Обладал высокой способностью к самопожертвованию. Считал труд и справедливость высшими ценностями. Горячо любил свою Родину. У него было очень много качеств, обладать которыми может лишь тот, в ком есть духовная вертикаль.

Кавани утверждает, что отсмотрела километры хроники, снятой немцами на территории СССР... Почему она не захотела заметить того, что заметили и от чего содрогнулись фашисты, — поразительный героизм советских воинов, которые, сталкиваясь с ужасами войны, не превращались в зверей, а в массовом порядке осуществляли эту самую самотрансценденцию, выход за пределы собственных возможностей, взмывание вверх? Потому что это опрокидывало ее концепцию? Или потому, что она была увлечена другой задачей — показать в очередном документальном фильме, снятом вслед за фильмом о фашизме, как Сталин мучил людей, реализуя свои садистские влечения?

Фильм Кавани «Шкура» завершается отвратительными кадрами. Восторженный итальянец, заискивающе мечущийся перед входящими в Рим победителями — Пятой американской армией,

— сделав неосторожный шаг, оказывается под гусеницей американского танка. Кавани показывает расплюснутую в лепешку человеческую плоть долго, смакуя натуралистические подробности.

Но человеку дано, в том числе, на пороге смерти, самому принять решение, кто он, — говорит Франкл. Он может стать комком раздавленной плоти. А может даже раздавленную плоть — претворить.

В рассказе Андрея Платонова «Одухотворенные люди» описана ситуация, многократно имевшая место в реальной жизни, — бой, в котором краснофлотцы, защитники Севастополя, прикрепляют к своим телам гранаты и ложатся один за другим под гусеницы немецких танков, превращаясь *«в огонь и свет взрыва»*. Наступление фашистов захлебывается. Танки уходят, потому что *«они (немцы) могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боя со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели»*.

Позиция Кавани (назовем ее условно «жить по Фрейду»): обстоятельства могут расчеловечить человека, превратив в зверя, или раздавить, превратив в «шкуру». Человек — заложник «раскаленного хаоса».

Позиция советского человека (назовем ее условно «жить по Франклу»): ужасные обстоятельства не расчеловечивают человека, связанного со смыслом. Пока нить смысла натянута, человек способен карабкаться по ней вверх и многое выдержать.

Чтобы разрушить СССР, нужно было перерезать эту вертикальную нить, «обесточив» советских людей, лишив их энергии. Над этим и трудились в течение многих лет специалисты информационно-психологических войн, возбуждая в советском человеке «влечения» к потреблению, к всевозможным шкурным радостям, переориентируя его на пренебрежительное отношение к труду, на ироничное отношение к справедливости и жертвенности. А также убеждая его (именно этим занимались Кавани и К^o), что никакой вертикали нет в помине.

Но перерезать вертикаль показалось мало. Тогда на помощь призвали «машину зла» — разодрали «тоненькую яблочную кожуру» культурных запретов, и сквозь образовавшиеся разрывы в наш мир пришло то, чему лучше бы оставаться под спудом.

О том, какие это имело последствия, — в следующей статье.

Конец текста